

Протоиерей

Александр Мень

Тайнство,
Слово
и Образ

Александр Мень

**Тайнство, Слово и Образ.
Православное богослужение**

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья»

1987–1989

УДК 2
ББК 86

Мень А.

Таинство, Слово и Образ. Православное богослужение /
А. Мень — «Гуманитарно-благотворительный фонд имени
Александра Менья», 1987–1989

ISBN 978-5-903612-10-9

Эта книга известного православного священника, современного писателя-богослова, протоиерея Александра Менья (1935–1990) знакомит читателя с обустройством храма, ходом богослужения, праздниками, церковными правилами и основами православной веры.

УДК 2
ББК 86

ISBN 978-5-903612-10-9

© Мень А., 1987–1989
© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Менья, 1987–
1989

Содержание

Предисловие	6
Введение	7
Глава I	11
Колокола	11
Облик храма	12
План храма	17
Суточное богослужение	18
Устав и богослужebные книги	19
Облачения	20
Церковное пение и музыка	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Протоиерей Александр Мень

Таинство, Слово и Образ

© М. А. Мень, текст, 2016

© Издательский дом «Жизнь с Богом», 2016

* * *

Предисловие

Эту книгу протоиерея Александра Меня не нужно комментировать. Она сама выразительно комментирует себя, раскрывает нужную для многих тему.

Ее можно было бы назвать «Богослужбным катехизисом» – так внимательно автор касается всех сторон церковной молитвы, ведет читателя по всему кругу двухтысячелетних молитв Церкви Христовой, льющихся от человечества к Небу. Видно, как многого лишают себя те, которые не входят в эту волну общей молитвы и таинств веры, о которых говорит отец Александр.

Читателям его книги открывается возможность лучше понять вселенскую молитву Церкви и погрузиться в высокий мир ее символов и реальностей, ведущих нас от временного к вечности.

Мы все, люди, имеем дар касаться сердцем и умом очищающего нас чудесного Бытия, Царства Божия, – данного вере и любви. Отец Александр Мень избегает абстрактных терминов, он говорит кратко и просто, языком понятным и точным.

Это книга пастыря и – добавлю – доброго пастыря. Он дает душам не только общие учительные истины, но и вводит в реальность самого Божьего дела в мире и нашего дела – быть открытыми благодати. Пастырь Единый Господь Иисус Христос чрез Своих добрых пастырей укрепляет и утешает души, готовые принять Его.

Пусть слова этих страниц о служении человечества Богу – слова живые и нужные – упадут не при дорогах суеты, не в терния страстей и не на камень бесчувствия, но на благодатную землю живых сердец.

Архиепископ Иоанн Шаховской

Алтарь Сретенского храма в Новой Деревне, г. Пушкино

Введение

В отличие от всех других учений христианство зиждется не просто на системе взглядов или заветах своего Основателя, а на опыте постоянного живого общения с Ним Самим.

Христос сказал: «Я с вами во все дни до скончания века». Его приход в мир был высшей точкой диалога между Богом и людьми, встречей, которая стала непреходящей реальностью, ибо путь к ней открыт для каждого.

Господь обращается к душе человека как ее божественный Учитель, ее Друг и Возлюбленный. Его призыв и наш ответ есть тайна, зарождающаяся в сокровенных глубинах сердца.

Сам Христос учил о необходимости молиться в тиши уединения. Но в то же время Он обещал пребывать среди людей, если двое или трое собраны во имя Его. Он основал Свою Церковь как новый, небывалый вид человеческой общности, создал единство людей, живущих в Нем, в Его Духе, в Его *присутствии*. По слову апостола Павла, Церковь – это целостный организм, тело; глава его – Иисус Христос.

Краеугольный камень Церкви – вера, которая проявляется в любви. Без этой основы «церковность» мертва и сохраняет только внешнюю оболочку, как это некогда случилось с законниками-фарисеями...

Церковь не только организация или союз единоверцев, а – чудо, многообразное воплощение Духа Христова в человеческом роде. Истинная Церковь – это «народ Божий», призванный *свидетельствовать о Христе самим своим существованием*; это община, где Искупитель являет Себя миру. Его благодатной силой она живет и крепнет. Евангелие мы получили из рук Церкви, в ее таинствах обретаем дары Святого Духа и единение со Христом Спасителем, и в ее же сокровищнице нужно искать руководство для духовного «делания», для молитвы.

* * *

Храмовая молитва и таинства Церкви именуется обычно *богослужением*.

Само это слово на первый взгляд кажется странным. Может ли Бог, объемлющий всю тварь, нуждаться в человеческом служении?

Такая иллюзия действительно была присуща архаическим верованиям. Хотя мы в них находим и благоговение перед Высшим, и раскаяние, и желание приблизиться к Божеству, но вокруг этой чистой основы постепенно нарастала уродливая кора магии. В жертвах, в культе часто видели механический способ заслужить расположение таинственных сил, заставить их работать на себя. Считалось, что приношения нужны богам. Отсюда возник принцип магической религии: «Я дал Тебе – Ты дай мне». Люди были убеждены, что определенные ритуалы с естественной необходимостью должны доставлять желаемое.

Первый удар подобному взгляду был нанесен за несколько веков до Христа. В ту эпоху во многих странах цивилизованного мира появились пророки, философы и мудрецы, которые провозгласили бессмысленность и греховность магического подхода к богослужению. Они учили, что Небо ждет от людей прежде всего очищения сердца, ждет любви и нравственного подвига; культ же является только внешним символом *духовного служения*.

В Своей проповеди Христос окончательно утвердил эту истину. Он повторял слова Сущего, сказанные через древнего пророка: «Милосердия хочу, а не жертвы». Он упрекал иудейское духовенство и законников в том, что они свели высший религиозный долг к обрядам и уставам. Поэтому никакие соблазны и разделения, никакие периоды упадка не могли остановить поток подлинно христианской жизни. Как в Ветхом Завете всегда сохранялся некий

«остаток» тех, кто берег и умножал дары Божии, так и в новозаветной Церкви Господь не дает угаснуть светильнику, горящему во тьме.

* * *

Знаком присутствия Христа в Церкви являются мистерии-таинства, через которые вновь и вновь совершается единение человека с Богом. Участвуя в таинствах и общей молитве, христианин черпает в них силы для каждодневного служения. Приходя в «дом молитвы», в храм, он может хотя бы ненадолго отрешиться от обыденности, от сутолоки и шума жизни. Бытию Церкви Христовой мы приобщаемся не только чтением Евангелия, размышлением над догматическими символами, над трудами отцов, подвижников и богословов, не только стараясь согласовать свои поступки с заповедями Христа, но и находясь в атмосфере общинной молитвы.

Наша жизнь – от рождения до смерти – малый отрезок. Человек, который попытался бы отвергнуть опыт предшествующих поколений, вряд ли смог бы продвинуться в труде или знании. Это касается и веры. Пренебрегая многовековым наследием Церкви, опытом ее святых, учителей и мудрецов, христианин легко оказывается в плену субъективного мистицизма, смутных «религиозных переживаний», представляющих собой немалую опасность для души. Даже самая искренняя личная вера рискует остаться без опоры, если она не связана с прочным фундаментом подлинного церковного опыта. Только со смирением принимая путь *ученичества*, мы можем избежать как поверхностной рассудочности, так и лжемистической «прелести»¹. Не отрицая храмового богослужения, не упраздняя ритуалов, Господь учил, что важнейшее – это справедливость, милосердие и вера. Он дал пример непосредственной сыновней молитвы, которая дороже Отцу любых всеожжений и жертв.

* * *

У некоторых может возникнуть естественный вопрос: почему Церковь, исповедуя религию «духа и истины», все-таки сохранила культ? Не лучше ли было совсем отказаться от него, отбросив даже само слово «богослужение»? Не достаточно ли носить Бога в сердце и стремиться исполнять Его волю в повседневной жизни?

Рассуждающие так забывают, что человек – существо не только духовное, что дух в нем теснейшим образом связан с душевной и телесной жизнью. Именно поэтому дух ищет своего воплощения. Любовь и ненависть, радость и горе, одобрение и восхищение – разве не проявляются они в жестах, в своего рода «ритуальных» действиях? Возглас, рукопожатие, поцелуй, положение тела, мимика лица выражают наше внутреннее состояние.

Слово «обряд» происходит от слова «обрядить», «облечь». И в таком смысле обряд пронизывает жизнь человека.

Известный православный мыслитель о. П. Флоренский утверждал, что культ есть гармонизация, одухотворение наших чувств, аффектов. «Если вступить на путь борьбы с аффектами, – пишет он, – то придется в корне отринуть самую природу человека... Вступить в борьбу с аффектами значит одно из двух: если она неуспешна – отравить человечество “загнанными внутри страстями”, если же удачна – оскотить и умертвить человечество, лишив его жизненности, силы и, наконец, – и жизни самой. Культ действует иначе; он утверждает *всю* (курсив – А.М.) человеческую природу со всеми ее аффектами; он доводит каждый аффект до его наи-

---

¹ От славянского слова «лесть» (обман).

большого размаха, – открывая ему беспредельный простор выхода; он приводит его к благодетельному кризису, очищая и целя»².

Вот почему мы не имеем права отказываться от христианских обрядов, от храмового искусства.

Слова молитв, гимны благодарения и покаяния, которые вылились из глубины сердца великих поэтов, мистиков, святых, боговидцев, драгоценны для нас.

Вживание в них есть школа души. Оно воспитывает нас, просветляет и возвышает. Но в храме не только слово служит средством для этого просветления и очищения, но и образ: икона, мелодия, ритуальный жест, архитектура храма. Флоренский недаром назвал церковное действие «синтезом искусств». В своей полноте оно обращено ко всем сторонам человеческой личности.

Но если такова роль храма, стоит ли изгонять сам термин «богослужение»? Ведь мы «служим» Творцу, свободно отдавая себя Ему, посвящая себя Его замыслам, соучаствуя в их осуществлении. Духовный рост человека есть его труд ради Царства Божия, а поскольку храм и таинства содействуют этому, мы можем с полным правом пользоваться словом «богослужение», помня лишь, что в широком смысле оно распространяется на множество других проявлений христианской жизни. Для всякого, кто размышлял над Евангелием, ясно, что быть христианином не значит просто ходить в церковь...

В связи с этим уместно напомнить слова видного современного литургиста прот. Александра Шмемана. Указывая на «литургический кризис» Византии, он пишет: «Став “культурным обществом”, существующим в культе и ради культа, церковное общество разучилось понимать, что, будучи выражением, созиданием и восполнением Церкви, богослужение всегда полагает Церковь перед лицом *мира*, являет ее назначение в мире: народа Божьего, оставленного в мире с Евангелием и *миссией*. Богослужение, перестав быть *выражением* Церкви, перестало быть и выражением Церкви по отношению к миру: как закваски, призванной поднять все смешение, как любви Божией, к миру обращенной, как свидетельства о Царстве Божием, как благой вести о спасении и о новой жизни»³.

* * *

В церковном культе необходимо отличать форму, образ от сакраментального ядра. Как уже было сказано, обряд облакает таинства в ризы «священного искусства», он есть воплощение вечного в земном творчестве.

Это отнюдь не может быть аргументом в пользу обрядоверия, для которого культ – застывшая реликвия. Богослужение живет и развивается вместе с жизнью самой Церкви. Создаются новые обычаи и обряды, некоторые навсегда уходят в прошлое, другие неузнаваемо меняются. Забегая вперед, укажем хотя бы на то, что чин Литургии в его *современной* форме сложился не в апостольскую эпоху, а несколько веков спустя; еще позднее возникли праздники, посты, песнопения, богослужебные одежды и т. д.⁴ Такой процесс изменений вполне органичен и закономерен. Вспомним еще раз евангельский образ дерева. Те, кто хотел бы зачеркнуть все приобретенное в Церкви на протяжении столетий, уподобились бы людям, требующим, чтобы дерево вновь стало зерном, из которого оно выросло.

Кроме того, типы богослужебного обряда во многом зависят от традиций национальной культуры. Так, в Центральной Африке Литургия совершается под звуки тамтамов, в Эфиопии

---

² Свящ. П. Флоренский. Из богословского наследия. – Богословские Труды. Сб. 17. М., 1977, с. 137.

³ Прот. А. Шмеман. Введение в литургическое богословие. Париж. УМСА, 1961, с. 40.

⁴ См.: Н. Д. Успенский. Анафора. – Богословские Труды. Сб. 13. М., 1975.

сохранился ритуальный танец епископов, современное церковное искусство Запада мало напоминает искусство раннехристианское или готическое.

В предлагаемом кратком очерке мы будем говорить только о богослужении Восточной Церкви, которое сложилось в Византии и распространилось на Грузию, Россию, Болгарию, Сербию и некоторые другие страны⁵. За свою историю оно претерпело много изменений; мы рассмотрим его в том виде, как оно существует сегодня в православных храмах.

Изучением корней и истории богослужения занимается специальная наука – литургия. Она тесно связана с историей Церкви, религиозной поэзии, искусства и культурных традиций христианства (см. Краткую библиографию на с. 233). Предлагаемая же книга написана для «новоначальных». Цель автора – помочь им полюбить храм, понять смысл Литургии, оценить красоту священнодействий и сделать церковную молитву частью своей жизни.

Церковь св. Екатерины в Салониках

---

⁵ Краткий обзор особенностей западного богослужения можно найти в кн.: J. G. Davies. A Dictionary of Liturgy and Worship. London, 1972.

Глава I «Дом народа Божия»

Колокола

Мы приближаемся к храму. Еще издали слышны звуки благовеста. Воздух как бы наполнен голосом большого колокола, к которому вскоре присоединяется перезвон других колоколов.

Это не просто «гонг», созывающий людей в церковь, а мелодия, одухотворяющая окрестности храма, напоминающая о молитве тем, кто занят трудом или находится в пути, кто погружен в монотонность будней. Большой смысл заключен в названии «благовест», ибо колокольный звон – своего рода музыкальная проповедь, вынесенная за порог церкви; он возвещает о вере, о жизни, пронизанной ее светом, он будит уснувшую совесть. Недаром у Гете переключка пасхальных колоколов заставила Фауста отбросить кубок с ядом...

Впервые колокола появились в V или VI веке на Западе, а в Византию проникли только в IX столетии (прежде их заменяли *била*). Постепенно возникли большие наборы колоколов, для которых стали строить специальные звонницы и колокольни. С помощью этих наборов можно было исполнять сложные музыкальные произведения. Многие города славились собственными стилями звона.

В Средние века колокола окружал ореол таинственности, их «крестили» святой водой, давали имена. Самые крупные колокола были отлиты в России. Секрет их изготовления передавался мастерами из поколения в поколение.

Теперь уже немногие помнят время, когда вечерами над Москвой гудел многоголосый хор колоколов. Настоящий звон сохранился лишь в отдельных местах, например, в Новодевичьем монастыре, Троице-Сергиевой лавре, в закрытых храмах Ростова. Его музыкальное эхо можно услышать в операх Глинки или Мусоргского.

Облик храма

Храмы с древнейших времен составляли неотъемлемую часть панорамы города. Как невозможно себе представить Афины без Парфенона или древний Рим без Капитолия, так трудно было бы вообразить Париж без Нотр-Дам, Лондон без Вестминстерского аббатства, а Москву без кремлевских соборов. Храм в городе – это пророк, говорящий о вечности, чей зов раздается среди шума современной цивилизации.

Совсем иное звучание приобретает силуэт церкви где-нибудь на холме, в окружении деревьев. Здесь гимн человека во славу Творца как бы сливается с гимном самого мироздания. Сельские храмы не выглядят сурово. Они овеяны той же умиротворенной красотой, что и окружающий пейзаж. Достаточно вспомнить церковь Покрова на Нерли, которая, словно сказочная невеста, смотрится в воды среди притихших полей.

* * *

Облик христианского храма создавался веками, приобретая в каждой стране и в каждую эпоху свой неповторимый характер⁶.

Во дни гонений христиане сходились для молитвы и совершения Литургии в частных домах или в подземных усыпальницах – *катакомбах*.

Продолговатый стол, за которым верующие тех времен возлежали за братской трапезой, постепенно был заменен гробницей мученика. Саркофаг с горящими на нем свечами стал прообразом алтаря западнохристианского стиля.

Обычай совершать таинство «преломления хлеба» над могилой страдальцев за веру как бы утверждал правоту Тертуллиана, говорившего: «Кровь мучеников – семя христиан».

В катакомбах родилось христианское искусство. Образцом для него послужила роспись иудейских молитвенных домов (синагог), поскольку христиане первого поколения были тесно связаны с ветхозаветной традицией. Синагоги и усыпальницы еврейского народа украшались в то время фресками и мозаиками, среди которых были не только орнаменты и символы, но и сцены из Священной истории⁷. Искусство катакомб свидетельствует о том, что Церковь всегда принимала и благословляла жизнь. На стенах первохристианских храмов мы видим изображения птиц, плодов, цветочных гирлянд. Символика этих ранних фресок навеяна образами Нового Завета (Добрый Пастырь, виноград, рыбы, агнец, корабль).

* * *

Дохристианские храмы считались обиталищем божеств. Обычно люди молились и приносили жертвы во дворе, перед входными воротами. Внутри же допускались только служители. Это правило было соблюдено и в Иерусалимском Храме.

Но после того как «Слово стало плотью и обитало с нами» (Ин. 1, 14), понятие о храме для христиан должно было измениться. Он стал местом, где вокруг вечно пребывающей Святыни собираются люди, народ Божий, Церковь (отсюда и его наименование – «церковь»).

Исторически христианский храм был преемником синагоги, служившей «домом собрания», местом молитвы, проповеди и чтения Слова Божия.

---

⁶ См.: Н. А. Дмитриева. Краткая история искусств. Вып. 1. М., 1968, с. 117 сл.

⁷ См.: журнал «Bible et Terre Sainte», 1966, 83; 1967, 88.

Первые христианские храмы строились по принципу римских общественных зданий – *базилик*. Они представляли собой прямоугольные постройки с рядами колонн, разделяющих помещение на «нефы», или «корабли». Все здание должно было символизировать корабль Града Божия, плывущий по волнам истории. Наружному декору базилики уделялось мало внимания, зато внутри ее украшали мрамором и мозаикой.

Эту же черту – художественное богатство интерьера при весьма скромном, даже суровом внешнем виде храма – сохранило и византийское искусство. Но в Византии идея «корабля», «дома собрания» дополнилась идеей космоса, которая присутствовала еще в убранстве ветхозаветного Храма. Таким образом византийская архитектура соединила в себе два начала, в Ветхом Завете *разделенные*. Там параллельно существовали Храм как «Дом Божий» и синагога как «дом собрания». Церковь Нового Завета создала синтез того и другого, о чем ясно свидетельствует византийский храм. Он предназначен для народа и одновременно является своего рода «космическим ковчегом» для пребывающего в нем Творца. Храм стал символом одухотворенного мира, прообразом грядущего обожения Вселенной. Купол, означающий «твердь небесную», образ Вседержителя, лики ангелов и святых, евангельские сюжеты – все это соединилось в единую симфонию: Бог, царства Неба и земли, Священная история.

В Византии сложилось искусство *иконописи*, целого мира образов, подчиненного собственным законам. Его истоки связаны с Малой Азией, Египтом, Парфией. Икона почти не зависит от классической античности. В отличие от натурализма греко-римской живописи она говорит на условном языке символов. Чистые краски, певучие линии, необычная перспектива и композиция рождали у созерцающего икону особое состояние. Он приобщался к вечной красоте, к реальности, открытой мистическому взору.

Из Византии иконопись пришла в Болгарию, Румынию, Сербию, но высочайшего расцвета достигла на Руси. Правда, с XVII века это поразительное искусство пришло в упадок, и только наше столетие как бы заново открыло его художественную и духовную ценность.

Космическая символика храма получила свое развитие и на Западе – в романском и особенно готическом искусстве. Готика одела храмы каменными кружевами, в которые вплетено все многообразие творений: люди и духи, растения и драконы, аллегории страстей и добродетелей; витражи наполняли храм радугой цветов, а устремленные ввысь линии окон, порталов и башен словно возносили всю эту мощную симфонию к небу.

Начиная с Нового времени идея космоса уступает место старой идее «дома собрания». Но барокко и другие стили, порожденные Ренессансом, внесли в церкви тяжелую пышность, характерную для гражданской архитектуры. Во второй половине XIX века предпринимались попытки вернуться к средневековым формам. Возникли их имитации, чаще всего малоудачные. Тогда же зародилось искусство церковного модерна. В настоящее время в храмах западной культуры полностью восторжествовало понимание церкви прежде всего как места, где собирается для молитвы община верных.

* * *

Древнерусский храм был развитием византийского с его центрическим купольным построением, которое имело в плане священные фигуры круга, прямоугольника и креста.

Если киевская София была еще вполне «греческой», то с XII века церкви Руси приобретают самобытный характер.

Софийский собор. Киев (XI в.)

Троицкая (Духовская) церковь. Троице-Сергиева Лавра (XV в.)

Покровская церковь. Кижы (XVIII в.)

Церковь св. Николая. Ницца (XIX в.)

Сравнительно небольшой одноглавый древнерусский храм XII–XV веков отличался изяществом и строгостью внешнего облика. Возвышаясь среди деревянных домов, словно конный витязь среди пешеходов, он невольно напоминал, что каждый христианин – воин духа.

Внутри такого храма, как и в Византии, изображали все бытие, Вселенную, человека и историю его спасения. Так же глядел с вышины строгий лик Вседержителя, так же предстояли Ему сонмы святых и бесплотных сил. На четырех сторонах центрального свода писали четырех евангелистов. По стенам разворачивались картины библейских и церковных событий, а на западной стене в огромной многоплановой композиции нередко находилась фреска Страшного суда. Свою включенность в Церковь, видимую и невидимую, молящийся ощущал, едва переступив порог храма.

По-другому выглядели многоглавые соборы XVII века с их галереями, приделами, нарядной изукрашенностью. Здесь, как и в готике, идея соборности, единства мироздания была воплощена в праздничной декоративности, вынесенной наружу⁸.

Пережив вместе с Западом кризис барокко и ампира, русские церковные архитекторы обратились к Средним векам в поисках вдохновения. Стали сооружаться многочисленные храмы в неовизантийском и неорусском стиле. Незадолго до революции появились и церкви, которые соединяли средневековые формы с модерном.

---

⁸ Следует заметить, что наружная отделка появляется еще в храмах XII века (например, Дмитриевский собор во Владимире).

План храма

Еще в некоторых ветхозаветных общинах (например, у ессеев, живших в Египте) существовал обычай молиться, обратившись к востоку. Обычай этот усвоен и христианами.

С очень ранних времен стало принято совершать крещение, стоя лицом к востоку. Когда же возникли первые церкви, их стали ориентировать алтарем к востоку. Такое правило сохранилось и поныне.

Внутренний план христианского храма имеет, как мы уже говорили, два источника в Ветхом Завете. Подобно Храму Иерусалимскому, который делился на Святая Святых (евр. *Девир*), святилище и притвор, все церковные здания делятся на алтарное пространство, которое занимает полукруглую апсиду, где помещаются *алтарь* и «горнее место» для епископа, сам храм, или место для молящихся, и притвор, где в древности стояли неофиты, ожидавшие крещения. По образцу синагог храм имеет амвон.

Алтарь, или престол, имеет в православных храмах кубическую форму (библейский символ «вселенскости»). Позади него находится семисвечник. Многие века алтарное пространство оставалось открытым (как и теперь на Западе). Его отделяла лишь низкая каменная ограда. В период между IV и VII веками на этой ограде начали сооружать колонны, к ним крепились «завеса», которую после службы задегивали. В эпоху победы над иконоборцами вверху и между колоннами стали помещать иконы Христа и Богоматери. Постепенно к ним прибавились другие. В Древней Руси возник второй ряд икон, а с XIV–XV веков появилось еще несколько рядов. Таким образом образовалась стена, именуемая *иконостасом* и доходящая почти до потолка. Подобные иконостасы в известной степени повторяли роспись алтарной апсиды, скрытой от молящихся.

Царские врата, расположенные перед алтарем, первоначально представляли собой низкие створки, которые не загораживали престол и священника от молящихся. Позднее они превратились в настоящие «ворота». Во многих храмах они наглухо изолируют алтарь от молящихся. Справа и слева от царских врат находятся северные и южные двери.

Амвон, то есть возвышение для чтеца, предстоятеля, проповедника, был известен еще в синагогах. В христианских храмах он находился посередине. Впоследствии на Западе его заменила «кафедра» сбоку от алтаря, а на Востоке амвоном стала служить центральная часть *солеи* – возвышения, непосредственно примыкающего к иконостасу. О старых амвонах напоминают теперь лишь «кафедры», которые ставят в центре храма при служении епископа.

Обыкновение называть церковь в честь какого-нибудь святого ведет свое начало с эпохи гонений, когда под алтарем находился саркофаг мученика. Позднее храмы строились не только во имя святого, но и во имя Христа Спасителя или в воспоминание праздника (Рождества, Воскресения, Покрова и т. д.).

Войдя в любую церковь, легко узнать, кому она посвящена, поскольку «храмовая» икона обычно помещается в особом киоте справа.

Когда к церкви пристраивали («придельвали») дополнительное помещение с алтарем, его называли *приделом*. Необходимость в приделах возникла в связи с восточным обычаем служить на одном престоле только одну Литургию в течение суток. Дополнительный придел позволял совершать служение дважды.

Суточное богослужение

Основой христианского богослужения с самого начала была *Евхаристия* (греч. «благодарение»). Впервые совершил ее Сам Христос Спаситель на Тайной Вечери. В священную трапезу ветхозаветной Церкви Он вложил новый дух и смысл. Вечеря благодарственной молитвы и соединения верующих стала для христианства Трапезой Господней, Новым Заветом со Христом. Евангелисты передают нам только те моменты Вечери, которые несут в себе новую тайну Богоприсутствия. Общий же ее порядок известен из иудейских источников. В нее входили славословия, чтение псалмов и отрывков из Библии. Все это осталось и в христианской Литургии. В ней сохранились также элементы синагогального чинопоследования⁹.

Литургии предшествуют: 1) *вечерня*, 2) *утреня* и 3) *часы*¹⁰. Их происхождение связано с Ветхим Заветом и раннехристианскими обычаями. Издавна считалось, что высшей молитвой является молитва непрестанная, то есть жизнь в постоянном общении с Богом. В знак этого огонь на жертвеннике не должен был гаснуть никогда. В Писании мы часто встречаем образ постоянной молитвы (например, Откр. 4, 8). Благочестивые иудеи возносили славословие Богу три раза: утром, в полдень и вечером. В конце I века в христианской Церкви уже прочно утвердился обычай «молиться три раза в день»¹¹. Из этих молитвословий возникло последование «часов»: третьего, шестого и девятого. Нередки в древней Церкви были и ночные молитвы. Св. Ипполит Римский писал: «Глубокой ночью поднимись со своего ложа и молись. Древние передали нам этот обычай. В этот час весь мир отдыхает, благословляя Бога. Звезды, и деревья, и воды тихи. Все воинство ангельское вместе с душами праведных совершает свое служение. Поэтому все, кто верует, молитесь в этот час»¹². Из ночных служб в канун Рождества и Пасхи родилось *всенощное бдение*, продолжавшееся до утра. В современной практике бдение предшествует Литургии. Оно перенесено на вечер, объем его сокращен, совершают его под праздники и воскресные дни.

---

⁹ См.: Л. Буїе. О Библии и Евангелии. Брюссель, «Жизнь с Богом», 1965, с. 224 сл.; прот. А. Шмеман. Введение в литургическое богословие, с. 67; Н. Д. Успенский. Анафора, с. 45 сл.

¹⁰ Обычай вести отсчет суточного времени от вечера пришел из глубины веков, из раннебиблейских времен, когда пастух начинал свой трудовой день с заходом солнца.

¹¹ Учение XII апостолов, VIII.

¹² Св. Ипполит Римский. Апостольское Предание, 35.

Устав и богослужебные книги

Текст Литургии, вечерни и утрени содержится в книге, называемой *Служебник*. Правила для ведения служб в соответствии с праздниками и днями недели были выработаны в Палестине (V–VI века). Этот *Типикон*, или Устав, пришел к нам из иерусалимского монастыря св. Саввы.

Особые молитвы и песнопения, сложенные в честь каждого праздника и святого, составляют двенадцать *Миней*, или Месячников, соответствующих месяцам года. *Общая Минея* содержит извлечения из месячных Миней, приспособленные к тем праздникам святых, для которых не написано специальных текстов. Существует круг молитв по дням недели, записанный в книге *Октоих* («Восьмеричник»). Наименование связано с тем, что недельный цикл повторен в Октоихе восемь раз – для восьми *гласов* (мелодий).

Собрание псалмов и молитв, предназначенных для первого, третьего, шестого и девятого часа, называется *Часословом*. В храме употребляется также *Следованная Псалтирь*, помимо библейского текста содержащая и богослужебные указания. О книгах, именуемых *Триодями*, мы скажем позднее, когда обратимся к годовому кругу Церкви.

Кто был автором богослужебных текстов? Немалая часть их заимствована из Библии, преимущественно из Псалмов. Те тексты, что взяты из Евангелий («Песнь Богородицы», «Ныне отпускаеши»), были первоначально гимнами Иерусалимской Церкви. Ряд молитв составлен безымянными авторами первых веков, а некоторые – прославленными отцами и учителями христианства. Среди них – св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Амвросий Медиоланский, св. Иоанн Златоуст, прп. Ефрем Сирии, св. Иоанн Дамаскин, св. Роман Сладкопевец и другие¹³.

Русская Церковь получила богослужение (как и Библию) на *церковнославянском* языке. В течение многих веков он мало отличался от языка разговорного и поэтому был понятен молящимся. Но после петровской реформы церковнославянский в богослужении не был заменен русским. Его величавая лаконичность и выразительность как нельзя более соответствовали духу молитвы и священнодействия. Однако трудности в его понимании значительно возросли, и еще в первые годы XX века была начата работа над текстами с тем, чтобы приблизить их к русскому языку.

В Западной Церкви, где богослужение прежде шло на латинском, теперь используют национальные языки.

В богослужебных книгах мы нередко встречаемся с подлинными сокровищами религиозной поэзии и мысли.

---

¹³ Немало текстов принадлежит и светским лицам, в частности византийским императорам.

Облачения

В ранней Церкви не было специальных культовых одежд. Исключение составлял *талит*, кусок материи, которым в иерусалимской общине, молясь, покрывали плечи и голову. Со временем возникла потребность в облачениях, отвечающих торжественности момента. Надевая их, служитель должен был отрешиться от всего будничного, осознать себя предстоящим Богу.

Современные церковные одеяния восходят к трем видам античных одежд: длинной тунике, или хитону, походному плащу – фелони и ленте, которую носили в праздничные дни как знак достоинства¹⁴.

Диакон

---

¹⁴ Внебогослужебная одежда русского духовенства состоит из «полукафтаны», или *подряшника*, и *рясы*. Полукафтаны в допетровское время было «мирским» платьем, точно так же как и ряса, имеет покрой повседневной одежды, носимой на Востоке. Обычай носить длинные волосы появился у клириков Русской Церкви недавно. Ни в древности, ни в Средние века его не существовало, как об этом свидетельствует иконография.

Священник

Стихарь

Епитрахиль и пояс

Орарь и поручи

Митра

Епископ

Монах

Панагия

Митрополит

Орлец

Туника, надеваемая диаконом, получила название *стихаря*, у священника и епископа это *подризник*.

Фелонь в древнем Риме сшивалась в виде колокола, без рукавов, и служила основной одеждой путников (2 Тим 4, 13). Нося ее, служитель Церкви хранит память о тех временах, когда проповедники Слова Божия странствовали от общины к общине. В фелонь (поверх туники) облачались как священники, так и епископы, но с XV века у архиереев она была заменена *саккосом* (родом стихаря).

Вышитая или цветная лента употребляется в каждой из трех степеней священства. Диакон носит ее, как носили в древнем Риме, – через плечо, тогда она называется *орарем*¹⁵. У священника она спускается обоими концами на грудь и крепляется. В такой форме ее называют *эпитрахилью*¹⁶. И, наконец, у епископа она лежит на плечах, одним концом спускаясь на грудь, другим – на спину. Этот знак епископского сана называется *омофором*¹⁷. И орарь, и эпитрахиль, и омофор имеют на себе изображения крестов.

Существуют и другие, второстепенные элементы облачения (пояс, палица, набедренник, поручи), которые первоначально были нужны для удобства, а позднее им придали символический смысл.

Головные уборы духовенства возникли на основе двух головных уборов, бытовавших в Палестине: *кефье* (платка, скрепленного шерстяной повязкой) и тюрбана (греч. «митра»). Кефье превратилось в *скуфью*, закругленную шапочку. Когда она делалась из верблюжьей шерсти, то называлась *камилавкой* (от евр. *гамаль* – верблюд). Твердая форма камилавки появилась в Греции в эпоху турецкого владычества, когда в ходу стали «фески». У монахов в Греции и в России долгое время сохранялся «кефейный» тип головного убора (*куколь*).

Митру, прототипом которой был тюрбан, носят епископы, а также архимандриты и заслуженные протоиереи. В своей первоначальной форме тюрбан удержался только в древневосточных церквах.

---

¹⁵ От лат. *ораре* – молиться. Орарем диакон подает знак к началу молитвы.

¹⁶ Греч. *эпитрахелион* – нашейник.

¹⁷ Греч. *омофорион* – наплечник.

Церковное пение и музыка

Блаженный Августин говорил, что в музыке и пении человек может излить восторг и полет души. Мелодия дает простор тому, что не уместится в границах слов. Вот почему религиозная жизнь во все века искала музыкального выражения¹⁸.

Ветхозаветные пророки пели под звуки струнных инструментов; оркестры и хоры Храма были неотъемлемой частью богослужения. Указания на них можно найти почти на каждой странице Псалтири.

Синагогальное пение состояло в «кантиляции»: ведущий произносил текст псалмодически, нараспев, украшая речитатив музыкальными узорами. Эти восточные мелодии легли в основу церковных песнопений классической эпохи. Влияние Востока закрепилось тем, что выдающиеся композиторы IV–VIII веков – святые Ефрем Сирий, Роман Сладкопевец и Иоанн Дамаскин – были родом из Сирии и широко пользовались народной музыкой своей родины.

---

¹⁸ См.: Р. И. Грубер. Всеобщая история музыки. Т.1. М., 1960; А. И. Рогов. Музыкальная эстетика России XI–XVIII веков. М., 1973.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.